

УДК 141.821/822+100

О ВОЗМОЖНОСТИ ОБСУЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ МАРКСА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

В.Ю. Юринов

Аннотация

Синергетической парадигме насчитывается уже тридцать лет. Она позиционирует себя как кроссдисциплинарная и кросскультурная коммуникация. Несмотря на широту, комплиментарность и возможность организовать диалог с самыми далекими культурологическими образованиями и научными концепциями, существует, по крайней мере, одна «зона», где диалога не получается. Входя в нее, синергетик начинает вести себя как монологист, схематик и догматик, т. е. перестает быть «со-трудником». Это область – марксизм. В статье предпринята попытка взглянуть на учение Маркса как протосинергетический феномен. Для этого сознательно проблематизируется способ взаимодействия трех источников и трех составных частей марксизма. Через придание им х-значений осуществляется возможность переоткрытия концепции Маркса как синергетической фигуры-события.

До определенного времени синергетику (линия Пригожина) можно было рассматривать в строгом смысле как ответ на вызов «общей теории систем» и ответ именно ее инициатору. Собственно, весь пафос создателя «общей теории систем» Людвиг фон Бергаланфи и заключался в том, что есть области, и значительные: биология, физиология, психология, социология (бихевиоральные, целеустремленные системы), где физикалистские (читай «линейные», «механистические», «детерминистские») модели не продуктивны. И. Пригожин же в физической реальности открыл «стрелу времени», синергетика описала «странные аттракторы», «детерминированный хаос». Так возобновился новый раунд напряженного диалога внутри естествознания. Дело не в том, что физика смогла снова занять место «матери наук» – она оказалась способной к открытому диалогу, сотрудничеству именно на междисциплинарном пространстве, в мировоззренческом и методологическом ракурсе. Тут многое собралось: и принцип дополнительности Бора, и ответственность ученого, и социокультурные составляющие науки, экология и технологии, и «даже» Древний Восток – многое. Маятник качнулся в обратном направлении, резонанс оказался внушительным. Как и в период увлечения «общей теорией систем», волна, прокатившись, захватила территорию обществознания и гуманитарных исследований. Синергетическое направление очень быстро вышло за пределы естествознания и начало интенсивно осваивать область социального пространства. Конечно, как со всяким новым увлечением не обходится «без перекосов» и схоластической иг-

ры. Поэтому уже среди отдельных ученых – и не только гуманитариев – есть стойкое неприятие синергетических построений.

Интересно другое: в качестве аргументов проблематичности новизны почти всегда фигурируют два слова: «диалектика» и «марксизм». Причем не важно, признают ли произносящие за этими словами-событиями какую-либо историческую силу или научную ценность. Соображение одно: уже были в истории мысли и практике учения, претендующие на универсальность и всеобщность. Что принципиально нового здесь может сказать синергетика?! Не говоря о том, что из этого вышло и где сейчас «диалектика» и «марксизм». И вот в этом месте возникает другое интересное обстоятельство. Синергетика, точнее, ее инициаторы и последователи не очень любят «ходить в этом направлении». Конечно, было бы непростительным легкомыслием ждать от «отцов» синергетики И. Пригожина и Г. Хакена, чтобы они сформулировали свое отношение к диалектике и тем более к марксизму. Такого анализа можно было бы ожидать в первую очередь от отечественных исследователей. Но о марксизме (равно как и диалектике) в отечественной синергетике говорится крайне скупо или формально. Более того, можно констатировать прямое дистанцирование подавляющего числа участников синергетического движения от учения Маркса (и Гегеля). Получается странная картина. Широкомасштабных ожиданий и теоретических генерализаций у отечественных синергетиков больше, чем у их западных коллег, а вот с марксистской традицией диалога не состоялось¹.

«Данилов и Кадомцев “определили” синергетику как одно из, возможно далеко не единственное, **значение X некоторой “X-науки”**, понимая под последней “пока еще не установившееся название еще не сложившегося научного направления, занимающегося исследованием **процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах** самой разной природы (физических, химических, биологических и т. д.)”. Способ определения синергетики как задаваемого контекстом открытого вопроса, контекстом, **с самого начала ориентированного на диалог**, был, несомненно, блестящей находкой авторов. Сейчас все более отчетливо видно, что именно этот способ наиболее “конгруэнтен” стилю присущего синергетике нелинейного мышления, характерному для нее **“циркулярному отношению к предмету”** (Н. Луман), а также, что принципиально важно, – той “автопоэтической реальности” (Варела, Матурана), **которая синергетикой порождается** (выделено мной – В.Ю.)» [1].

Данное высказывание, принадлежащее отечественному автору В.И. Аршинову, мы решили избрать в качестве отправной точки нашего исследования. По концентрации, интенсивности и энергичности его действительно трудно переоценить. Для нас же так сформулированное кредо синергетики принципиально позволяет осуществить ряд последующих научно-исследовательских операций, составивших в целом определенный комплексный мыслительный эксперимент.

Первое. Неопределенность, открытость синергетики как некой результирующей позволяет поместить на ее место – как «х-науки» – марксизм.

¹ Имеются серьезные исследования Е.Я. Режабека, но насколько они смогли изменить ситуацию в отношении «марксизм – синергетика» – вопрос. Пока получается так, что синергетика в организации диалога марксизмом не нуждается.

Второе. С такого «неизвестного», нового места появляется возможность посмотреть на источники, которые стянулись в марксизм (явились в нем и определенным образом прореагировали между собой), как на «х-значения».

Третье. Проанализировать ту х-«автопоэтическую реальность», которая так увиденным «х-марксизмом» порождается, где последний должен выступать имманентной составляющей первой (своеобразным «параметром порядка»).

При продуктивном (истинном?) положении дела такая процедура могла бы в свою очередь открыть синергетизм (диалог) не краевого, периферийного взаимодействия, а «ядерного», имманентного взаимотока уже *так-открытого* марксизма и собственно имеющейся синергетики.

Интересно проследить возникший эвристический импульс – если таковой возникает – устремившийся в «обратном» направлении – к синергетике (современной теории самоорганизации) и что при этом происходит (ли) с «х-значениями» последней.

Такой комплекс процедур, или, как модно говорить, «проект», явился бы своеобразной самокритикой синергетики, проверкой ее «на прочность». Действительно ли она является (может быть) научным направлением, занимающимся «исследованием процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой разной природы (физических, химических, биологических и т. д.)»? Справится ли она с декларированной ею же самой «открытостью диалога»?

У В.И. Аршинова есть образ, к которому он несколько раз прибегает, дабы разъяснить деликатную ситуацию с природой и «местом» синергетики. (Вообще, метафора – один из легитимированных инструментов постнеклассической науки). Это гравюра М. Эшера: руки, рисующие друг друга (или птицы и рыбы.) Воспользуемся этим образом, чтобы пояснить нашу задачу. Следует попытаться создать (сконструировать) фигуру «марксизм» инструментом (рукой) «синергетика», но на каком-то этапе марксизм получит возможность стать инструментом и начнет рисовать фигуру «синергетика».

На пространстве данной статьи мы можем набросать только начальные (предварительные) контуры марксизма как «синергетической фигуры», т. е. только подступить к заявленному проекту.

Начнем попытку раскрытия синергетической природы марксизма с казалось бы самого простого и известного каждому студенту бывшего Советского Союза – со статьи В. Ленина «Три источника и три составные части марксизма».

«История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектанство» в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего в *стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма. ... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма.

На этих трех источниках и вместе с тем составных частях марксизма мы вкратце и остановимся»¹ [2, с. 40].

Последуем ленинскому предложению, но не пойдем по пути дальнейшего изложения ленинской статьи, а остановимся здесь и задумаемся, сколько элементов предложено к рассмотрению и каких? Итак, **три** источника и **три** составные части? Если пренебречь выражением Ленина «и вместе с тем», то получается вроде бы «шесть». А пренебречь можно, ведь со стороны источников в соотношении участвуют **немецкая** (философия), **английская** (политэкономия) и **французский** (социализм), а со стороны «составных частей» – **философия** (Маркса), **политэкономия** (Маркса), **социализм** (Маркса). И все же, почему Ленин написал «и вместе с тем»? Потому, что марксизм сам делает из перечисленных источников собственную предпосылку, внутренне вбирая их в себя, переосмысливая и переоткрывая их. Предпосылки «исчезают» в нем, как автономные, безразличные друг к другу историко-логические образования. Но «снять» один источник может не одна составная часть, а лишь все три, точнее, учение Маркса в целом. «Снятие» осуществляется не как окончательное преодоление и удаление, а непрерывно воспроизводящий себя процесс, драматическое диалоговое поле, организующее и питающее концепцию Маркса.

Связь «источник – составная часть» марксизма не носит линейного (поэлементного) характера. Дело не обстоит таким образом, что политэкономия Маркса опирается (исключительно) на английскую политэкономия, философия Маркса (исключительно) – на немецкую философию, а его социализм (коммунизм) – на французскую теорию. Нет, в каждой составной части марксизма (исторически и логически) внутренне синтезированы все три источника. Так что перед нами, если только говорить о названных сторонах марксизма, по крайней мере, двенадцать «элементов»: со стороны источников – три плюс в каждой составной части синтезированы (сняты) три источника, т. е. арифметически получается девять. Для чего мы занялись этой сухой бухгалтерией? А для того, чтобы рассмотреть марксизм как «сверх-сложное» (термин Пригожина) органическое образование со множеством внутренних нелинейных связей и «круговой причинностью». Перед нами явно постклассический феномен, и было бы странно, если бы он не обладал синергетической природой.

Действительно, с точки зрения традиционной, «чистой» науки в случае с источниками и соответственно «составными частями» марксизма какая-то бросающаяся в глаза путаница и откровенная, казалось бы, неграмотность.

Примечательно, как на такое сочетание (сочленение) отреагировал в свое время отечественный философ Владимир Соловьев. Ему было не очень понятно, как учение может претендовать на теоретичность (чистоту, системологизм, монизм), если оно говорит одновременно (!) об онтологии, прибавочной стоимости и строительстве баррикад. И с позиции «чистого знания» он был абсолютно прав. Так никто никогда не сочленял области, такой синтез был не

¹ Интересна в цитате «оговорка» Ленина (во фрейдистском смысле): «в стороне от столбовой дороги». Современный язык постнеклассической науки напротив бы потребовал убрать необходимость доказывать прямую связь марксизма с предыдущим развитием, а непосредственно констатировал возникновение новой соразмерности (марксизма) «вдали от порядка». Насколько изменился стиль доказательств и преимуществ! Язык Ленина оказывается здесь «неоклассическим» и ближе к «позиции Бергаланфи», чем, допустим, к «позиции Аршинова».

столько невозможен, сколько недопустим с точки зрения логики, законов формального мышления¹.

Было бы еще как-то оправданно (с точки зрения формальной логики и традиции), если бы К. Маркс осуществил, скажем, такой «линейный параллелизм»: немецкая философия и философии французская и английская. То же самое потом он проделал бы с политэкономией: английская – французская – немецкая и, наконец, с политическим учением: французское – английское – немецкое. Хотя было бы совершенно непонятно, для чего это К. Марксу нужно и в какой области он работает, каков предмет его исследования (и специальность)²?

Конечно, с высот XXI века мы можем сказать: мы же это уже знаем, тем более нам это подсказывает прямо и однозначно фигура Ленина – что перед нами в лице К. Маркса складывается идеология пролетариата. Значит, как можно дело представить, так оно обычно и выглядит сегодня. Во-первых, если «идеология», то мы имеем дело с иллюзорным сознанием. Именно так определяли этот термин сами классики марксизма. Во-вторых, идеология «пролетариата», т. е. исторически определенное, заинтересованное класса, для которого была важна не логичность и стройность, а захват власти, «диктатура пролетариата». Какая философия, какая может быть чистая наука при стремлении к диктатуре?! Только сплошной «волюнтаризм» и «утопизм»! Словосочетание «историческая миссия рабочего класса» – это, кажется, в лучшем случае из религиозной области, но уж никак не из философии и науки.

Давайте пока разомкнем сцепку «источники – составные части» и сосредоточимся только на первых. Такую операцию мы должны осуществить для того, чтобы над нами не довлело господство составных частей, чтобы «источники» не выглядели как исключительно производные от уже сложившейся системы марксизма и осознанные позже: «пришитые», так сказать, «снизу», когда уже наличествовал «готовый верх». Попробуем выбраться из «личной биографии» К. Маркса, т. е. постараемся не сводить источники марксизма к личным пристрастиям его основоположника. Но одновременно повременим и не будем пока сводить данный странный конгломерат к «биографии» исторической миссии пролетариата. Постараемся задержаться в этом неизвестном и неудобном для нас «промежутке» и вспомним одну характерную фразу самого Маркса. Она гласит: «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» [4, с. 423]. Что за действительность должна и могла устремиться к такому странному конгломерату, как английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия?

¹ До сих пор при защите научного исследования различного ранга в качестве критического замечания используется аргумент о несоблюдении исследователем «единого основания» при разборе понятий, признаков, функций и т. д. Данный аргумент выглядит очень сильным. Таким образом ставится под сомнение владение автором законами формальной логики.

² Если всеобщность разума еще позволила бы объединить философское пространство, ибо Декарт оправдал и дал такую санкцию, т. е. объединение «трех философий в одну» было бы естественно, рационально, то с экономическими и политическими построениями в Новое время было не все так просто. «Конституировавшись в социальном пространстве как физическом пространстве индивидуумов – акторов истории, всеобщая история сразу же «расслоилась» на экономическую, социальную и политическую, хотя процесс сепарации на «слои» оказался весьма продолжительным и, что интересно, первой «частной научной дисциплиной» стала экономическая история (в середине XIX века), а последней – социальная теория (в начале XX века)». [3, с. 29].

Логически было бы понятно, если бы каждая национальная духовная культура трактовалась как изоморфная «своей» действительности, соответственно «английской», «французской» и «немецкой». Такая логика имела свою длительную и прочную традицию. Когда еще Томас Мор пытался бороться с подобным «этно-культуро-логизмом», он (точнее, герой его «Утопии» – Гитлодей) с горечью и сарказмом получал одну и ту же отповедь: «Ты, по всей видимости, чужестранец и не знаешь наших обычаев...».

Были ли какие то силы в XVIII и XIX вв., помимо воли и личных мотивов Маркса (как и личных усилий Томаса Мора), которые могли и начали стягивать такие разнородные географически, культурно и духовно-практические области, как английская политэкономия, французский социализм и немецкая философия? Эволюция какой действительности, законы какой самоорганизации здесь начали работать и заявлять о себе? Чем эти достаточно герметичные области, имеющие свою собственную традицию, некоторые очень длительную (но разную и свою!), могли быть изоморфны? Какое основание могло (и могло ли) делать их внутренне подобными и «одного порядка»?!

Такая действительность, конечно, была (и есть). Точнее, она начала интенсивно складываться, принимая гигантские масштабы, и достигла достаточного уровня развития во времена Маркса. Ленин же, собственно, с этого и начал свою статью, говоря о «столбовой дорожке **мировой цивилизации**». Речь идет о буржуазном обществе, в итоге – о западной (индустриальной) цивилизации. Английская политэкономия, французская политическая теория и немецкая философия – **«молекулярное формирование новой цивилизации»** (терминология А. Грамши) этой, именно западной цивилизации. Перед теоретическим взором К. Маркса выросло новое европейское сообщество, организм мировой (западной) культуры. И что принципиально важно, К. Маркс стал его (реально-го всемирно-исторического процесса) сознательным деятельным сотрудником и, пожалуй, первым «гражданином» не только Европы, но и «гражданином Запада», нашим современником, в точном смысле этого слова.

Любой мало-мальски грамотный в марксизме человек скажет, что К. Маркс дал самосознанию индустриальной цивилизации исходный понятийный аппарат, центральной категорией какового (самосознания) явилась «общественно-экономическая формация». В трех «источниках» марксизма недвусмысленно проглядывают структурные элементы этой формации; капиталистический способ производства (системообразующий признак) и соответственно: система производственных отношений – социальная структура – политико-правовая надстройка и духовная жизнь общества с ее квинтэссенцией – философией.

Хорошо, допустим, что так. Но ситуация с источниками все равно от этого не проясняется, а скорее даже обостряется. Почему тогда теоретические элементы основоположником марксизма взяты из разных социальных организмов: философия от немцев, политическая теория от французов, а политэкономия – английская? Не последовательнее ли было немецкую философию дополнить немецкой же политической теорией и практикой, а «заземлить» систему немецкой же социально-экономической сферой (или ее отражением)? Мы же никогда не поверим, что немецкую политическую сферу развивали французские социалисты, а немецкую (прусскую) экономику изучали англичане (во главе с

Адамом Смитом и Давидом Рикардо)? Хотя, если верить авторам, работающим в синергетической парадигме, то и «подобное сотрудничество» вполне могло бы быть объяснено синергетикой, которая справляется и не с такими типами нелинейности.

Сам же К. Маркс писал следующее: «Отношение промышленности, вообще мира богатства, к политическому миру есть одна из главных проблем нового мира. В какой мере начинает эта проблема занимать немцев? ... В Германии... еще только собираются положить начало тому, чему во Франции и Англии уже положили конец» [4, с. 419]. Или страницами раньше: «Отвергая немецкие порядки 1843 г., я, по французскому летосчислению, нахожусь едва ли даже в 1789 г. и уж никак не в фокусе современности» [4, с. 415–416].

Для Маркса ясно, что немецкая философия, особенно в ее высших проявлениях (философия Фихте, Канта, Гегеля), притягивается не столько трансцендентным разумом – «этот потусторонний мир лежал всего лишь по ту сторону Рейна» [4, с. 421], а имеет своим имманентным дополнением французскую революцию, экономическую сферу, осмысляемую английской политэкономией.

Другими словами, если мы даже ограничим рамки нашего исследования разбором историко-логической завязки только «одной пары», а именно: одного «источника» – немецкой философии и одной «составной части» марксизма – философской, мы не получим прямой, механистической (узкодетерминистской) зависимости. Живое, конкретное поле взаимодействия Маркса и Гегеля будет «искривлено» английским и французским «присутствием» и систематически «управляться» политэкономической и социально-политической (социальный вопрос) составляющими.

В контексте синергетической парадигмы должна быть очень понятна неубедительность упреков К. Марксу в том, почему он не рассматривает весь ряд немецких философов или, допустим, не интересуется историей философии (или «несведущ» в ней). Он работает в другом измерении, уже находится в ином пространстве, нежели история философских идей, вереница персоналий. Перед нами эффект «аутопоззиса». Как говорят синергетики, система «забыла» свои исходные параметры, прошлое «исчезло с экрана» и не может определять настоящее. Если говорить языком современной философии и истории, то здесь К. Маркс только подтверждает свою идентичность как мыслитель (и деятель!) Нового времени [3, с. 431; 5, с. 26].

«Мы не последуем примеру политэконома, – пишет К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях», – который, желая что-либо объяснить, переносится в вымышленное им первобытное состояние. Такое первобытное состояние ничего не объясняет. Ссылаясь на первобытное состояние, политэконом только отодвигает вопрос в серую туманную даль. Он предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать... Мы берем отправным пунктом современный экономический факт...» [6, с. 206].

Говоря языком постнеклассической науки, К. Маркс смог в хаосе европейской действительности обнаружить «странный аттрактор» разворачивающейся буржуазной цивилизации, теоретически описать, т. е. дать язык этому сложнейшему неравномерному (причудливому) самоорганизующемуся процессу. И что не менее важно, он смог свою частную, приватную жизнь (флуктуация)

сделать имманентной активной составляющей всемирно-исторического сотрудничества, существенно изменив историческую ситуацию, и стал всемирно-исторической личностью.

«О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» – так определил тему своей докторской диссертации молодой К. Маркс. Это оказалось глубоко символичным. Своей биографией К. Маркс («личное знание» Поляни) убедительно доказал, что свободное (беспричинное!) отклонение «атома» от прямой – не нелепая выдумка Эпикура, а исторический факт человеческой экзистенции и, оказывается, онтологическая характеристика мироздания.

Summary

V.Y. Yurinov. A possibility of the discussion of Marx's conception as a synergetic event.

The synergetic paradigm is about thirty years old already. It positions itself as a crossdisciplinary and crosscultural communication. Despite of its width, complementarity and possibility of making a dialogue with the farthest cultural-logical formations and scientific conceptions, there is at least one "zone" where the dialogue is impossible. Stepping the zone, the synergetist starts behaving himself like a schematist and dogmatist, so he is not a co-operator any more. The zone is Marxism. An attempt to observe Marx's theory as a presynergetic phenomenon is undertaken in the article. The way of the interaction of the three sources and the three components of Marxism is consciously made problematic for it. Endowing them a x-meaning makes possible to re-open Marx's theory as the synergetic figure-event.

Литература

1. *Аришинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФ РАН, 1999. – 204 с.
2. *Ленин В.И.* Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Госполитиздат, 1972. – Т. 23. – С. 40–48.
3. *Феллер В.* Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. – М.: КНОРУС, 2005. – 672 с.
4. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 41–421.
5. *Лазарев В.В.* Становление философского сознания Нового времени. – М.: Мысль, 1987. – 136 с.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.

Поступила в редакцию
12.09.07

Юринов Владимир Юрьевич – старший преподаватель кафедры социальной философии и культурологии философского факультета Казанского государственного университета.